

Глэдис Митчелл

Убийства в Солтмарше

Часть сборника
Убийства в Солтмарше.
Убийство в опере
(сборник)

Глэдис Митчелл Убийства в Солтмарше

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8379438

*Убийства в Солтмарше. Убийство в опере: [сборник; пер. с англ.] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083212-5*

Аннотация

Убита молодая служанка Мэг, которая еще недавно работала в доме викария. А вскоре бесследно пропал ее маленький сын.

Но кому надо было избавляться от нее? Кто и зачем похитил ее ребенка?

Полиция теряется в догадках, – и тогда к расследованию подключается миссис Брэдли. Она выдвигает предположение: убийство Мэг связано с таинственным исчезновением одной местной красавицы актрисы...

Содержание

Глава I	4
Глава II	10
Глава III	19
Глава IV	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глэдис Митчелл

Убийства в Солтмарше

Глава I

Фортели миссис Куттс

В том, чтобы рассказывать от первого лица, в особенности когда речь идет об убийстве, есть масса неудобств. Однако я был замешан в этом деле с самого начала и до конца, видел столько всего и в таких разнообразных ракурсах, и с таких разных точек зрения, что не могу оставаться в стороне и вести рассказ беспристрастно.

Я учился в Оксфорде и уже готовился к адвокатуре, когда скончался мой дядя-холостяк, оставив мне тридцать тысяч фунтов с условием, что я стану священнослужителем. Моя мать и сестры жили на двести пятьдесят фунтов в год, да еще я задолжал отцовскому другу сэру Уильяму Кингстону-Фоксу, который помогал оплатить мою учебу. Я быстренько ухватился за такую возможность и три года проработал в трущобах Ист-Энда. Потом сэр Уильям рекомендовал меня преподобному Бедиверу Куттсу, викарию деревни Солтмарш, и я стал его помощником.

Мистер и миссис Куттс мне не нравились, зато нравились Уильям и Дафни. Дафни, когда мы познакомились, было восемнадцать, а Биллу, то есть Уильяму, – четырнадцать. В Дафни я, нечего и говорить, потом влюбился. Точнее, сразу. Дафни и Уильям приходились старому Куттсу племянниками и носили ту же фамилию.

Теперь я понимаю: бикфордов шнур начал тлеть в тот роковой день, когда миссис Куттс узнала, что наша служанка, спокойная, вежливая и весьма хорошенькая деревенская девушка по имени Мэг Тосстик, ждет ребенка. Сама Мэг знала об этом, наверное, уже месяца три, но держала рот на замке, а нервы свои – на привязи. Что по меньшей мере очень похвально, ибо забеременеть, не будучи замужем, да еще у такой хозяйки, как миссис Куттс, – от эдакого впопору биться в истерике (не мое выражение, а Дафни).

К чему привело открытие миссис Куттс, представить нетрудно. Девушку погнали прочь, хоть она и говорила хозяйке, что отец поколотит ее и вышвырнет на улицу, если она лишится работы; этот старый черт неизменно являлся на обе воскресные службы – он выполнял у нас обязанности жезлоносца.

Еще миссис Куттс сказала мужу, что за Мэг следует возносить общественные молитвы.

Если в Куттсе и было чем восхищаться, так лишь тем, что, несмотря на весь трепет перед женой, он никогда не позволял ей вмешиваться в свою работу. Дома она властвовала безраздельно, а в церкви, как и велит женщинам Библия, вела себя смиренно.

Общественные молитвы, ответил он жене, начнут возносить, буде того пожелает сама девушка, а потом спросил у меня, пойду ли я к Мэг домой попытаться урезонить ее отца или же ему пойти самому. Я, нечего и говорить, предоставил это ему.

В конце концов Мэг взяли к себе мистер и миссис Лори, хозяева таверны – необыкновенно, кстати, друг на друга похожие, – и обещали о ней позаботиться. Я не знал, заплатил ли им Куттс, скорее всего заплатил. Хоть он мне и не нравился, когда дело касалось его прихожан, старик вел себя исключительно достойно. Да еще выходка жены задела его за живое. Так или иначе больше мы о Мэг Тосстик ничего не слышали, до самого рождения ребенка.

Первой новостью, нечего и говорить, узнала миссис Куттс.

– Ну вот и дождалась, – сказала она, войдя в кабинет, где мы работали с Куттсом, сняла нитяные перчатки и, расправив, положила на маленький столик красного дерева, достав-

шийся ей в наследство от матери. Столешница его была выложена квадратиками эбенового дерева и светлого дуба, но в шахматы никто в доме не играл, и потому на столе помещался маленький недорогой граммофон и две жестяные коробки от сигарет. Голубая жестянка с золотыми буквами – для новых игл, желтая с красными – для использованных. Я к этим жестянкам был неравнодушен, потому что мы с Дафни частенько заводили граммофон и танцевали.

Миссис Куттс сняла довольно уродливую коричневую шляпку, водрузила ее на граммофон, привычным жестом поправила волосы.

Супруга викария была высокая сухопарая дама с тонкими светлыми бровями и темными глазами, столь глубоко посаженными, что разобрать их цвет я не мог.

Упрямая линия рта и срезанный подбородок сводили на нет все попытки носа придать лицу благородно-добродушное выражение.

Миссис Куттс уселась в единственное удобное кресло, тяжело вздохнула и принялась нервно постукивать по обитому кожей подлокотнику. Именно ее нервозность меня всегда и раздражала. Руки у нее были красивые – длинные сильные пальцы. Она неплохо играла на пианино.

Как обычно, миссис Куттс немедля начала цепляться к своему благоверному, который, к моей тихой радости, не обратил на ее приход никакого внимания, только языком недовольно цокнул.

– Тебе нечего сказать, Бедивер? – осведомилась она.

– Нет, дорогая, вроде бы нечего, – ответил ее муж. – Ты не могла бы перестать постукивать? Это мешает мне сосредоточиться на проповеди.

– Если выступление получится таким же, как в прошлый раз, совершенно не важно, сосредоточишься ты или нет, – сурово сказала миссис Куттс.

Замечание, нечего и говорить, было справедливое. В прошлый раз он и на сорок процентов не выложился.

– Ты меня обяжешь, дорогая, если не будешь называть мои проповеди выступлениями. – Старикан отложил перо, отодвинулся вместе со стулом и повернулся к жене. Я уже поднялся, чтобы выйти, но он жестом велел мне вернуться к работе. Я проверял для него цитаты из классиков.

– Вижу, не видать мне покоя, пока я не узнаю все новости, – добавил он. – Так раскрой мне душу, милая Кэролайн, и будь краткой. Проповедь нужно дописать сегодня. Завтра, как ты знаешь, мне предстоит судить матч.

Он встал, снял пенсне и одарил спутницу жизни слабой улыбкой.

Куттс был мужчина средних лет с суровым лицом и голубыми глазами. Здоровенный такой субъект, с легким наклоном торса, характерным больше для спортсмена, чем для человека, проводящего много времени за книгами. Ручищи у него были волосатые, челюсть – как у профессионального борца, под брюками обрисовывались мускулистые ноги.

Выглянув в окно, викарий вдруг заревел: «Эй! Эй там!!» Я даже подпрыгнул от неожиданности. Оконное стекло в старой раме задрезбужало, а миссис Куттс испуганно вскочила.

– Не волнуйся, дорогая. Там Уильям с курами. Мальчик – сущее наказание. Буду рад, когда каникулы закончатся; правда, он нужен на игре в крикет против Мач-Хартли. Нам не хватает одного игрока, потому что сэр Уильям посадил Джонстона за браконьерство. Да уж, сэр Уильям скорее отпустит матереубийцу, чем браконьера. Вот досада! Джонстон – неплохой подающий.

– Какое мне дело до крикета! Меня беспокоит этот злосчастный праздник – Августовский выходной¹.

¹ Официальный выходной день в Великобритании; до 1965 года отмечался в первый понедельник августа. – *Здесь и*

– Ты про состязания? – Уведя разговор от своей последней проповеди, Куттс взбодрился.

– Я не про состязания, Бедивер, хотя и не сомневаюсь, что другие деревенские дела тебя не интересуют.

Старикан испустил вздох и опять заметно сник.

– А какие там могут быть дела, кроме обычных?

Супруга, увидев слабое место в его обороне, мигом сделала подачу:

– Если ты понятия не имеешь о том, что творится в деревне, то не по моей вине. Я неоднократно пыталась поставить тебя в известность. И должна тебе заметить, даже рискуя показаться навязчивой: безобразия, царящие на этих праздниках, необходимо пресекать. Если все пустить на самотек, деревня завоюет себе славу Содома и Гоморры. Твой несомненный долг объявить в ближайшее воскресенье с кафедры, – а в следующее воскресенье повторить, – что ты публично клеймишь тех, кто на празднике в парке сэра Уильяма Кингстона-Фокса станет попираť законы нравственности и добропорядочности.

– Но, девочка моя дорогая, – ответила, собравшись с силами, отбивающая сторона. – Во-первых, епископ увидит в подобном заявлении дешевый трюк для привлечения народа в церковь, а во-вторых, откуда мне, скажи на милость, знать, как ведут себя деревенские на празднике? Ты не хуже меня помнишь, что вся моя деятельность сводится к помощи в установке чайного шатра и проведению детских состязаний – да и то если не помешает мое участие в соревнованиях по крикету. Вечером, как тебе отлично известно, я возвращаюсь сюда, закрываю окна и включаю радио. Когда люди танцуют и резвятся, священник им без надобности.

Миссис Куттс скривилась.

– Тебя ничто не трогает, Бедивер, пусть хоть вся деревня в ад провалится, – горько сказала она. – Вот и результат: и Мэг Тосстик, и все прочее. Кстати, меня даже не удостоили чести ее лицеизреть, вот так! Нет, правда, положение в деревне...

– Послушай, Кэролайн, – Куттс опустил на стул, свесил между колен волосатые ручищи, – давай смотреть фактам в лицо. Все я отлично знаю. И все это сущие пустяки. Тебе знакомы здешние порядки, и не такие уж они и скверные. Я не раз в подобных случаях проводил обряд венчания и готов доказывать тебе и любому другому моралисту, что ничего сугубо греховного в таком положении вещей нет. Вот если парень не хочет жениться – дело другое. Однако, будь оно неладно, деревня маленькая, и каждый на виду, и ему обычно некуда деваться. Что же до той бедняжки в таверне, то, думаю, она еще слишком слаба и не может принимать гостей, даже тебя! А теперь, если это все...

– Нет, не все. – Миссис Куттс сложила и развела ладони. – Не все, – повторила она.

В комнате царил тишина, только муха жужжала на оконном стекле. Бедивер Куттс, женатый уже девятнадцать лет, терпеливо ждал.

– Как я сказала, я пошла ее навестить. Ребенок родился сегодня в два ночи. – Руки у миссис Куттс дрожали, лицо от негодования перекопилось. – Бедивер, мало того, что меня к ней не пустили, так еще, если верить миссис Лори, которая со мной едва разговаривала, Мэг Тосстик не желает сообщать имя отца и никому не показывает ребенка. Она непоколебима. Конечно же, все подозревают самое худшее. Это просто ужасно. А миссис Лори ей еще и потакает!

– А что здесь ужасного? – поинтересовался викарий, разворачиваясь вместе со стулом и берясь за перо.

Миссис Куттс провела языком по губам.

– Сквайр, – сказала она, понизив голос.

О моем присутствии оба, видно, забыли.

– Кингстон-Фокс? Какой вздор, Кэролайн!

Куттс стряхнул с пера чернила на промокашку.

– В любом случае... – Миссис Куттс покраснела и стала похожа на сморщенное райское яблочко.

Викарий опять развернулся.

Мне очень хотелось уйти, но я боялся их спугнуть.

– И не просто вздор, а вздор опасный. Слышишь, Кэролайн? Больше этого не говори. Сэр Уильям – наш друг и мой покровитель. Тот, кто такое измыслил, заслуживает каторги! Отвратительно! – раскричался Куттс. Лицо у него покраснело, глаза налились кровью, словно у пьяницы, дышал он как после пробежки. Волосатые ручищи с силой вцепились в подлокотники. Потом он неожиданно обмяк и заговорил тише:

– Знаю, даже лучшие из женщин любят пикантные истории. Но, пожалуйста, Кэролайн, оставь в покое Кингстон-Фокса!

Миссис Куттс поднялась, взяла шляпу и перчатки. Не говоря ни слова, она вышла из кабинета.

Старик пожал плечами и посмотрел на меня.

– Порой я готов проклинать все праздники, – сказал он. – Причем, по общему мнению, Уэллс, она права. Да, деревенские ведут себя неприлично. Однако меня это как-то не волнует и никогда не волновало.

Да, нечего и говорить, миссис Куттс не без странностей. Ведь замужняя женщина, пусть и нет своих детей, но – и только старик Куттс этого не понимал – она совершенно не выносила, когда местные жители предавались безыскусным сельским утехам – плеснуть приятелю воды за шиворот на деревенском празднике, поваляться с подружкой на травке или прогуляться с ней в обнимку вечером. Понятия добра и зла тут были ни при чем. Просто у нее имелся пунктик, что любые сексуальные отношения – вещь страшно неприятная и нечистая. А вообще-то деревенские вели себя почти пристойно. Молодые люди крутили любовь, а если это приводило к последствиям, шли к священнику и просили сделать оглашение. В целом то была нормальная публика, и к данному вопросу подходили они вполне практично. Иногда парни, ухаживая за девушками, заранее копили деньги на свадьбу, а уж если что-то случалось, а парень проявлял нерешительность, мы со стариной Куттсом его подталкивали – тихонечко или посильнее – к женитьбе.

Нечего и говорить, странно, что Мэг Тосстик ни в какую не соглашалась назвать имя отца, но я не понимал, какое до того дело миссис Куттс. К сожалению, у Мэг была подпорченная кровь. В Моут-Хаусе, где теперь проживают супруги Гэтти, раньше размещалась частная лечебница для душевнобольных. Однажды ночью одному пациенту удалось бежать, и он изнасиловал нескольких женщин и убил троих мужчин. Мэг была потомком того сумасшедшего и некоей Сары Парсетт. Кэнди, Боб Кэнди, работавший в таверне барменом, а по совместительству еще и вышибалой, тоже происходил по прямой линии от того несчастного. Между прочим, Боб ухаживал за Мэг Тосстик. Однако, будь он отцом ребенка, отчего бы ему не признать его и не жениться? Когда я без обиняков повел о том речь, он только сердито на меня покосился и сплюнул; я сделал вывод, что отец не он и что произошедшее немало его злит. И я, нечего и говорить, отступился. Какой смысл изображать сурового пастыря?

За чаем разговор опять пошел о предстоящем празднике. Для его проведения арендуется парк сэра Уильяма; две трети выручки сквайр отдает в фонд церкви. Устроители аттракционов платят пять фунтов наличными и дают нам шатер – в обмен на разрешение взимать с народа деньги за катание на карусели, качелях-лодочках, метание дротиков и стрельбу на призы. Аттракцион «сбивание кокосов» мы устраиваем сами; старый Лори, хозяин таверны, достает нам кокосы в несметном количестве через своего приятеля на лондонском рынке.

В позапрошлом году мы сколотили помост, а для защиты зрителей натягиваем теннисную сетку. Мы с Уильямом руководим этим аттракционом в перерыве между иннингами крикетного матча с командой соседней деревни – еще один непрременный атрибут Августовского выходного – и получаем пятьсот процентов прибыли. А на время матча нас заменяет старый Лори, и это очень с его стороны любезно, потому что каждый год он пытается добыть разрешение на торговлю пивом, и каждый год городской совет, возглавляемый сэром Уильямом, следуя рекомендации Куттса, который, в свою очередь, покоряется неизбежному в лице супруги, отвечает ему отказом.

Лори никогда не держит за это зла. Добродушный такой тип.

В следующую среду за чаем миссис Куттс заявила, что не представляет, как рассадит пятнадцать почетных гостей на девяти складных стульях, и послала Дафни попросить стулья у миссис Гэтти. Дафни схватила под столом мою ладонь и быстро сжала три раза, что у нас означало сигнал SOS. Она боялась идти в Моут-Хаус одна, ибо у миссис Гэтти – такая полная женщина безмятежного вида и всегда в очках с золотой оправой – в голове сплошные тараканы. Она любит сравнивать людей со «зверьями полевыми и лесными»². В высшей степени необычно и поучительно, если у тебя ум настроен на философский лад.

Меня она считает козленком. То есть буквально. Однажды она привязала мою ногу к ножке стола скользящим узлом. Теперь-то, нечего и говорить, я ее хорошо знаю, и когда прихожу, – а прихожу я к ней часто, поскольку муж у нее все время в разъездах и ей одиноко, – то сажусь на один стул, а на другой кладу ноги. И представьте, действует: она считает жестоким привязывать животное за шею. Что в маньяках хорошо – так это их замечательная логика. Стоит вам принять их точку зрения и беспокоиться больше не о чем – если они не склонны к убийству; тогда уж принимать их точку зрения совершенно незачем, если опять же вы не настолько философ!

Итак, после чая мы с Дафни отправились в Моут-Хаус. Он находится недалеко от деревни, чуть в стороне от главной дороги. Типичный старинный дом мрачного вида, прячущийся среди кустарников, а вокруг высокий кирпичный забор с большими воротами.

Мы прошли по дорожке, позвонили в дверь и были впущены лично миссис Гэтти, поскольку она держала только двух служанок – горничную и кухарку, и у горничной был выходной. Кухарка дверь никогда не открывала из принципа. «У меня другие обязанности», – говорила она, и что тут возразишь? Миссис Гэтти часто сравнивала кухарку с уткой, но поскольку та была из Эйлсбери, где к разведению уток относятся трепетно, то принимала это за комплимент. Ну, оно и к лучшему.

Миссис Гэтти провела нас к себе в будуар – бывшую палату для буйных. Усадив нас и закрыв дверь, она на цыпочках прокралась к своему стулу, уселась и взволнованным шепотом сообщила:

– Свершилось! Дело свершилось!

– Здорово! – сказал я, пребывая, нечего и говорить, в полном недоумении.

Дафни вздрогнула и послала мне нервный взгляд. Я перешел к цели нашего визита.

– Э... не могли бы вы дать нам пару раскладных стульев для праздника?

Миссис Гэтти ответила очень ласково:

– Я и три дам, только никому не говорите. То есть насчет моего Джексона. Не говорите, ладно? Мне мистер Берг сообщил. По-моему, вышло просто чудесно. Так не рассказывайте!

Мы пообещали никому не рассказывать, и еще я пообещал прислать за стульями скаутов с тачкой.

Миссис Гэтти не подвела, и мы получили три отличных стула. В тот вечер Дафни меня поцеловала, и вообще все было прекрасно за исключением походов Билла. Впрочем,

² Исайя, 56:9.

завершились они счастливо, и мы благодаря им получили еще двух – причем неоценимых – помощников в подготовке к празднику.

Старый Куттс, пока мы с Дафни ходили к миссис Гэтти, куда-то отправился и к нашему приходу не вернулся, и потому я засел в кабинете и занялся арифметикой – нужно было сделать разные подсчеты для закупки продуктов и игры в кокосы. Дафни взяла на себя список призов. Миссис Куттс отправилась на кухню портить ужин и настроение кухарке. Уильям пришел и снова ушел, и все, нечего и говорить, было отлично.

В десять вечера зазвонил телефон, и истеричный женский голос потребовал немедленного прибытия Куттса в Бунгало – это дом в районе каменоломен. Поскольку предоставить Куттса я не мог, то побежал сам, не забыв сунуть в карман молитвенник. Из невнятных выкриков звонившей я заключил, что кто-то из живущих у каменоломен, будучи в подпитии, свалился в карьер. Ограда там была никуда не годная, а потом какой-то хулиган и вовсе ее сломал. Позже ее починили, но только с одной стороны – как раз там, где никто не ходит. Проживал в Бунгало один тип по имени Берт, здоровенный такой верзила... впрочем, о нем в другой раз.

Полторы мили от дома викария до Бунгало я шагал добрых сорок минут. После поворота с главной дороги пришлось почти все время идти в гору по невообразимо кривой каменной козьей тропе. Она вилась вверх по уступам прибрежных холмов с той стороны, где располагались карьеры, а потом спускалась к морю через заросли папоротника, дрока и вереска.

Пустынный берег бухты с песчаными дюнами ничего интересного собой не представлял – там можно было разве что купаться, загорать, да любоваться пещерой, небольшой и совершенно не примечательной. Я не понимал, кто в здравом рассудке мог построить дом в такой открытой и уединенной местности. Хотя теперь-то, нечего и говорить, понимаю.

В холле и еще в одной комнате горел свет. Подойдя к двери, я услышал сверху странное царпанье, но подумал, что это кошка. Взяв молоток, я постучал в дверь, и тут какой-то негодник резко ее распахнул – у меня даже молоток выскочил из руки; я перелетел через порог и едва не рухнул на пол. Не успел я извиниться за такую манеру входить, как дверь захлопнулась и мужской голос произнес:

– Да это же юный Уэллс!

Другой голос, принадлежавший Уильяму Куттсу, воскликнул:

– Да это же Ноэль!

А третий голос, женский, который я сорок минут назад слышал по телефону, сказал:

– Ну слава Богу, за тобой пришли, дружок.

Меня проводили в освещенную комнату, и в течение следующего часа, пока я оставался в Бунгало, и потом, когда мы с Биллом шли домой, он поведал мне некую таинственную историю. Уильям, сам по себе на редкость безвредный ребенок, непременно ухитряется влезть в любую неприятность, которая происходит в непосредственной близости. Когда он был еще в начальной школе, там случился пожар, и именно Уильяму, единственному из девятиности с лишним учеников, пришлось вылезать через слуховое окно и прыгать на растянутую внизу простыню. Вскоре после этого Куттс забрал его из школы: мальчика наказывали за то, что он воевал с дразнившими его ребятами. Старик написал директору разгромное письмо и перевел племянника в другую школу.

Учитывая, что Уильяму пришлось ставить рекорд по прыжкам из окна исключительно по своей вине – он в ту минуту попытался тайно проникнуть в дом после ночного набега на директорский сад, – Куттс, по моему личному мнению, обошелся с директором слишком сурово. Впрочем, не мое это дело.

Глава II

Фортели обитателей Моут-Хауса и фортели в Бунгало

Приключения Уильяма Куттса начались в тот же день, среду, когда скауты, захватив тачку, отправились в Моут-Хаус забрать обещанные стулья для праздника. Миссис Гэтти любит молодежь и потому пригласила ребят в столовую, накормила лепешками и угостила домашним имбирным пивом и самодельными ирисками. Потом все отправились со стульями обратно, а Уильям, как старший патрульный, любезно предложил хозяйке помочь с мытьем посуды. Миссис Гэтти это чрезвычайно понравилось, так как горничную она отпустила, а кухарка все силы отдавала приготовлению обеда. Было семь вечера или полвосьмого, еще светло, хотя погода никуда не годилась для конца июля. Я вообще не могу припомнить другого такого дождливого и противного лета. Мы очень надеялись, что в день праздника будет ясно.

Домой Уильям явился донельзя взволнованный, и я удивился; такие ребята – крепкие, сильные, всегда веселые и спокойные – ни с кем не ссорятся, ни на кого не обижаются, даже в школе. Упомянутый мной ранее случай – исключение. Добродушный по натуре, Уильям принимал мир таким, каков он есть, без всякого недовольства, вопросов и волнений. И потому, когда он ворвался к нам с видом человека, раскрывшего Пороховой заговор, я был несколько озадачен, но рассказу его не поверил. А сообщил он, что мистер Джексон Гэтти убит. Дафни перепугалась, и я взялся за мальчишку всерьез.

– Глупости какие!

– Нет, – ответил Уильям. – Мне миссис Гэтти рассказала, пока мы мыли посуду. Дело, мол, свершилось. Она говорит, и вам с Дафни пыталась рассказать, но вас одни только стулья интересовали.

Я нахмурился и стал обдумывать этот вопрос. Те же самые слова миссис Гэтти говорила и нам и упомянула о муже. Всякому ясно, что, услышав от особы вроде миссис Гэтти какое-нибудь странное замечание, не придашь ему такого значения, как словам нормального человека. С другой стороны, фраза «Дело свершилось!» звучит чуточку зловеще даже в устах слабоумного. Я тщательно допросил Уильяма, но ничего нового из него не вытряхнул. Он собрался идти к констеблю Брауну – нашему защитнику правопорядка, – чтобы поставить его перед фактом.

Неожиданно мне в голову пришла идея получше. Нечего и говорить, мне не помешало бы избавиться от Уильяма и побыть вдвоем с Дафни, но не впутывать же Брауна – он хоть и хороший малый, но явно не семи пядей во лбу.

– Слушай, Уильям, у сэра Кингстона-Фокса гостит некая миссис Брэдли-как-то-там... или как-то-там-Брэдли. Она просто гигант мысли в области психологии. Отведи ее завтра к миссис Гэтти. Уж она ее наизнанку вывернет, но выяснит, в чем дело. Поверь мне, полиция тут не нужна.

Я убедил Уильяма не ходить к Брауну, однако он уперся и желал отправиться за миссис Брэдли тотчас же. Меня это устраивало, поскольку мы с Дафни оставались одни, и я решил его, так сказать, подстегнуть.

– Они сейчас обедают.

– Вряд ли. Сэр Уильям садится обедать в половине седьмого, а теперь уже начало девятого. Пойдемте со мной, Ноэль, ну что вам стоит.

Я, нечего и говорить, отказался. Нет, честно, я же не думал, что дело серьезное. Он двинулся один. В Манор-Хаусе его провели в гостиную, где Маргарет Кингстон-Фокс – дочь

сэра Уильяма, величественная, точно сама Юнона, – представила гостя даме, страшнее которой, если верить его словам, он отродясь не видывал. Маленькая и худенькая, морщинистая, желтая, с пронзительными черными глазками и руками, как птичьи лапки, похожая на ведьму. Когда к ней подвели Уильяма, она громко фыркнула, потом взяла его за подбородок и издала хриплый попугаичий крик. Она вообще напоминала попугая: вечернее платье у нее было из голубого бархата, а жакетка (Дафни назвала ее именно так) желто-оранжевая. Уильям решил, что если у миссис Гэтти в голове тараканы, то у этой – ядовитые осы. И взгляд у нее был зловещий. Однако голос оказался просто прекрасным; его оценил даже Уильям, который начисто лишен музыкального слуха (хоть и поет каждые каникулы в церковном хоре, поскольку дядя у него викарий). Старая дама и Маргарет серьезно выслушали его рассказ, и миссис Брэдли пожелала отправиться с ним в Моут-Хаус и во всем разобраться. Весть об убийстве мистера Гэтти Маргарет скорее порадовала, но под натиском здравого смысла она выразилась сдержанно: что он, мол, был препротивный тип и что случаются же такие жуткие вещи.

Итак, они втроем отправились к Гэтти. Сэр Уильям и гости-мужчины уже занялись портвейном и дам не провожали. Скорее всего даже не знали, что те ушли.

Дверь открыла сама миссис Гэтти. Разговор начала Маргарет – спросила, правда ли, что мистера Гэтти постигла злая участь. Хозяйка не ответила, только беспокойно поглядывала на миссис Брэдли и бормотала:

– Змея или крокодил?... Крокодил?... Или змея?...

Подобный прием к дружеской беседе, нечего и говорить, не располагает, однако, к счастью, миссис Брэдли, больше недели прогостившая в Манор-Хаусе, была наслышана о странностях бедной миссис Гэтти, и такое приветствие ее не обескуражило. Она учтиво сказала:

– Наверное, крокодил. Меня обычно относят к ящерам. Такой уж мы, йоркширцы, народ. Вообще интересно наблюдать человеческие типы в разных графствах и даже в разных деревнях.

Это навело хозяйку на ее любимую тему, и ее не сразу смогли вернуть к разговору о мистере Джексоне Гэтти.

– А, Джексон. Да, разумеется. Все кончено, да, осталось только труп найти.

– А где труп? – поинтересовалась миссис Брэдли.

– Если бы вы знали нашу деревню, как знаю я, – начала миссис Гэтти, к великому разочарованию Уильяма, жаждавшего услышать подробности убийства, – вы бы сидели и смеялись, смеялись бы и смеялись – как я. Это до того смешно, что и словами не передать! И смешнее всех – жена викария!

– Послушайте, миссис Гэтти, – начал Уильям, но никто не обратил на него внимания.

– Я ее считаю верблюдицей, – продолжала хозяйка. – Она, чуть что, вопит и кусается. И на колени встает – когда молится. А еще есть та дамочка из Бунгало. Женщина на содержании, представляете, дорогой крокодил? Что вы об этом думаете?

– Возмутительно, любопытно и старомодно.

Наверное, миссис Гэтти задумалась, переваривая сию краткую оценку греховности мира, потому что, по словам Уильяма, она целую вечность сидела тихо, а он тем временем записывал разговор в свой скаутский блокнот. Наконец она торжественно кивнула.

– Кое-кто в Манор-Хаусе мог бы рассказать побольше, если бы захотел. А взять эту девчонку, Тосстик. Вся история кажется мне совершенно невероятной, просто невероятной, от начала и до конца. Во-первых, она вообще не из тех девушек, которые рожают незаконных детей. Во вторых, она должна бы сообщить имя отца – как все деревенские девушки, – и мы проследили бы, чтобы он поступил как положено. В-третьих, я думаю, у ребенка какие-то отклонения, раз его никому не показывают. И наконец, хозяева таверны ведут себя странно.

– И в чем же странность? – вежливо поинтересовалась миссис Брэдли.

– Не знаю. Меня просто удивляет, что они вдруг стали такие добрые. Этот Лори даже имеет процент с кокосов, которые привозит к празднику. А деревенским ребятишкам дает за пустые бутылки не больше фартинга. Они их собирают по кустам после пикников, и он должен бы платить славным деткам полпенса, вот как я, когда мне приносят бутылки – для моего вина... Теперь-то он уж точно умер. Я про Джексона, конечно.

Миссис Брэдли тоже достала маленький блокнотик и потихоньку записывала – стенографическими значками, по мнению Уильяма. Потом я обнаружил, что это какой-то новый, неизвестный метод стенографирования.

– Бедный Джексон, – сказала миссис Брэдли.

– Что ж, – ответила миссис Гэтти, – если человек желает быть волком, то его нужно запереть в клетку, как волка. А вся штука вот в чем: его заперли в загоне для овец! Смешно, правда?

– Смешно и умно, – подтвердила миссис Брэдли, продолжая записывать.

– Заперт. Вот смешно-то – заперт! До чего ж скверная погода для лета!

– Заперт в загоне для овец! Это нужно запомнить, – сказала миссис Брэдли и издала свой обычный клохтающий смешок. И поднялась.

На улице, когда хозяйка закрыла за ними дверь, миссис Брэдли отправила Маргарет домой и только собралась заговорить с Уильямом, как миссис Гэтти опять выскочила наружу и схватила ее за руку.

– А знаете, что я думаю? – спросила она.

– Нет.

– По-моему, Верблюдица считает, что ее преподобный муженек и есть отец ребенка Мэг Тосстик.

Уильям, пересказывая мне эти события, вставил:

– Вот чушь-то, правда же, Нозль?

Я тогда выразил согласие, но в душе был далек от такой уверенности. Миссис Куттс любой бред придет в голову!

Высказавшись, миссис Гэтти устремилась домой, а миссис Брэдли повернулась к Уильяму:

– Мальчик мой, в здешней церкви есть подземная часовня?

Уильям ответил утвердительно.

Дело уже шло к ночи.

– Тогда отведи меня, – приказала миссис Брэдли. – Нужно поторапливаться, а то, я вижу, дождь начинается.

И Уильям проводил ее к церкви. Они прошли через покойницкие ворота и обошли южную дверь с аркой в нормандском стиле – и скоро очутились у каменной лестницы, ведущей вниз. Чуть дальше середины пролета ее перегораживала тяжелая железная дверь.

– Попробуем разглядеть через перила или пойдём внутрь? – спросил Уильям.

– Я бы предпочла спуститься, – ответила миссис Брэдли.

– Хорошо. Пойду схожу за ключами, – предложил вежливый Уильям. – Вы не хотите пройти через церковь? Если согласитесь, то ключ и не нужен. И можно будет свет зажечь.

– Это меня вполне устраивает. Думаю, мистер Джексон Гэтти, живой или мертвый, находится в часовне.

– Кто вам сказал? – разволновался Уильям.

– Миссис Гэтти, только она сама того не знает.

– Да ладно! – не слишком учтиво бросил Уильям.

В церкви они прошли по главному проходу и очутились в ризнице. Здесь Уильям отодвинул в сторону кокосовую циновку. За ней оказалась подъемная решетка.